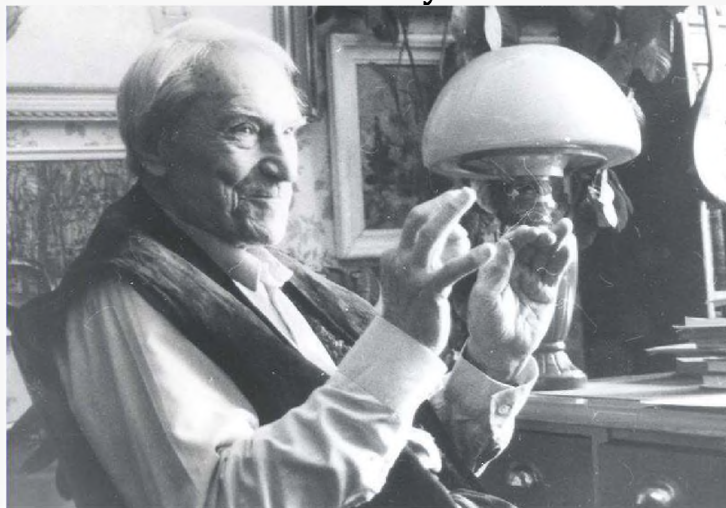

Казанская

Правда

Оставил нам свою земную песню

В каждодневной круговерти дней, среди больших и малых событий как-то незамеченной прошла дата, знаковая для отечественной литературы, – 110 лет со дня рождения Дмитрия Снегина.

Рождение поэта

Свой путь в большую литературу народный писатель Казахстана, фронтовик, крупный прозаик, переводчик, публицист, драматург, общественный и государственный деятель, лауреат Президентской премии мира и духовного согласия Дмитрий Снегин начал как поэт, и что поразительно – у него не было специального для этого образования: он окончил, казалось бы, очень далекий от изящной словесности факультет плодоводства алматинского сельхозинститута. Хотя сам Дмитрий Федорович называл этот факультет аристократическим. «Отец с матерью страсть как хотели видеть меня дипломированным агрономом!.. Я же сам у них родился под яблоней!»

Действительно, во времена его молодости старая Алма-Ата, а еще раньше Верный, по крыши была погружена в сады. Весной аромат цветущих яблонь кружил головы, осенью своей красотой поражал алматинский апорт, под тяжестью плодов которого гнулись ветки деревьев.

Выбору профессии способствовало и то, что дом, где жила семья Дмитрия Федоровича, соседствовал с домом моего прадеда, верненского садовода, одного из творцов знаменитого апорта – Никиты Трофимовича Моисеева. Более того, мать писателя Федосья Сергеевна была крестной матерью моего деда Тихона Никитовича. И кто знает, может, очарование яблоневого сада, под чьей сенью родился и рос Дмитрий Федорович, и сформировало в нем поэтический дар, сквозь призму которого он смотрел на мир.

Но если первая книга его стихов «Ветер с Востока», вышедшая в свет в 1934 году, была скорее поэтическим откликом на постреволюционные преобразования жизни, как, впрочем, и последующие сборники 30–40-х годов – «Мой город», «Годы», «Верность», военные поэмы «Никита Огневцев», «На дальней высоте» и другие, то стихи последних лет поражают не только тонкой лиричностью, но и философской глубиной. Его юношеская лирика была больше построена на чувствах, а вот поздние стихи – это уже размышления о жизни, ее смысле, добре и зле...

Об этом мы не однажды говорили с сыном Дмитрия Федоровича – доктором медицинских наук Дмитрием Дмитриевичем Поцелуевым. Отец исследовал человеческое сердце как писатель, а сын исцелял его как врач-кардиолог.

Однажды я сказала Дмитрию Дмитриевичу, что в поздних стихах его отца меня поразили поэтический язык и неожиданные, нетривиальные, небанальные рифмы. Такие стихи мог написать человек не только глубоко мыслящий, но и глубоко образованный, имеющий богатейший, просто уникальный лексический запас, за счет этого возникал какой-то второй, третий смысл...

– А Вам, Дмитрий Дмитриевич, что ближе всего из написанного отцом? – спросила я.

– Его мемуарные вещи, особенно последние – «Сказать себя, или Пелым и его обитатели». Удивительное дело, в каждом из его произведений поразительно точное описание деталей. Когда читаешь его книги, как-то реально все воспринимаешь...

– Вы правы, не так давно я перечитывала его трилогию «В городе Верном», и у меня возникло такое же ощущение, как будто я фильм посмотрела, настолько написанное было зримым.

– Да, у него не было сухой документальности, каждое написанное им слово досконально продумано. Папа очень глубоко проникал в материал.

Одна из последних исповедальных книг Дмитрия Снегина была посвящена Александру Сергеевичу Пушкину и называлась «Странные сближения, или Вокруг Михайловского». В ней он пишет о странностях нашей жизни, когда, на первый взгляд, случайно происходят какие-то встречи или события. Но, как потом оказывается, это вовсе не случайность, а скорее предопределенность.

Таким «странным сближением» для писателя было еще детское, казалось бы, случайное соприкосновение с Пушкиным, которого он безмерно любил, не уставая повторять вслед за Аполлоном Григорьевым: «Пушкин – это наше все».

Но особой его любовью была Алма-Ата. О ней он писал бесконечно много. Город детства словно подпитывал его своей необыкновенной энергетикой.

«Алма-Ата наполнена зовущей и чарующей мощью своей плоти. Она напоминает мне женщину бальзаковского возраста, у которой позади все разочарования; она не устает жить и любить, оттого ее обаяние неотразимо. Нет мне желанней отрады, как бродить по прилавкам и с их высоты охватывать грустным взором раскинувшийся в низине город всей моей жизни – в поисках примет, что безнадежно забыты, но без которых меня нет».

Эта чарующая, ушедшая в прошлое Алма-Ата, а еще ранее город Верный, в котором он родился, по словам писателя, была вся пронизана верой. Помню, как-то я спросила Дмитрия Федоровича, что такое для него вера. Он ответил: «Учти, религия – это одно, а вера – совсем другое. Религией манипулируют свои султаны, свои ханы. Редко великие, больше бесславные. Вера – это другое. Это настолько глубоко и настолько лично, что я не хотел бы этого касаться. Скажу только, вера – один из светочей человеческой жизни, она была и остается щитом на пути зла и насилия».

Как Поцелуев стал Снегиным

Мало кто знает, что Снегин – это не настоящая фамилия Дмитрия Федоровича. Вот что пишет об этом в своей книге «Дмитрий Снегин. Его Любовь, Память и Слово» писатель Владислав Владимиров, хорошо знавший и любивший Дмитрия Федоровича.

«Настоящая, исконно родовая фамилия коренного семиреченца Дмитрия Федоровича – Поцелуев. А Снегин – это литературный псевдоним, великодушно подаренный ему еще в 1933 году верным другом молодости, в ту пору уже «оперившимся прозаиком» Виктором Черкесовым, который считал, что с фамилией Поцелуев никуда не пробьешься.

– Я тебе предлагаю очень приличное литературное имя. Псевдоним. У каждого ладного стихотворца должен быть хороший звучный псевдоним. Взгляни-ка, Митя, на прекрасные белоснежные вершины

наших Синих гор. Снег на них под солнцем круглый год. А вот теперь вслушайся, пожалуйста, Сне-гин! Сне-гин! А? Звучит?

– Вроде бы... Но у Есенина «Анна Снегина»...

– Без всяких сомнений тут, пожалуйста! Решайся! Или сейчас. Или никогда. Останешься навеки Поцелуевым, как в жестоком романсике... А что у Есенина есть, так это я не хуже твоего знаю.

Так Митя Поцелуев стал Дмитрием Снегиным. С этим именем он и вошел в большую литературу.

Позже в своей автобиографии Снегин писал: «Окончив в 1935 году Алматинский сельхозинститут, получил звание агронома-плодовода. Правда, по этой специальности работать мне не удалось. Виной тому – моя горячая любовь к литературе». После выхода в свет первого сборника стихов начинающего поэта направили на работу в Союз писателей Казахстана консультантом русской секции.

Осенью 1936 года Дмитрий Федорович был призван в армию красноармейцем 83-го горно-артиллерийского полка. Через год, сдав все экзамены, стал офицером-артиллеристом. В том же году в Алма-Ате вышел его второй поэтический сборник «Семиречье». После армии он вернулся в литературу. Работал заместителем ответственного редактора журнала «Литература и искусство Казахстана», затем заместителем главного редактора журнала «Казахстан».

Огненная страница жизни

Когда началась Великая Отечественная война, Дмитрий Снегин сразу ушел на фронт: уже в июле 1941 года был зачислен в ряды 316-й стрелковой дивизии, формируемой в Алма-Ате. И случайно ли, что именно ему было предначертано судьбой освободить от фашистов родовое гнездо так любимого им Пушкина – село Михайловское? «Я был там, – пишет он в своей книге «Странные сближения, или Вокруг Михайловского». – Это одна из огненных страниц моей жизни».

Тогда Дмитрий Снегин был начальником артиллерии Панфиловской дивизии. Сложность боевой операции заключалась в том, чтобы взять Пушкинские места без применения артиллерии. И без авиации тоже. Проще говоря, одолеть противника голыми руками, стремительным натиском, чтобы сохранить каждую пядь пушкинской земли. Те события писатель Владислав Владимиров называет подвигом.

«Ведь в селах Михайловском, Тригорском, в Святогорском монастыре (это там могила поэта), стояли, а точнее, орудовали, не подневольные немцы из вермахта, всегда готовые сдаться в плен. Нет, там окопались вооруженные до зубов отборные гитлеровские войска. Их поддерживала вся мощь германского оружия – наземного и воздушного. Они отлично знали, чьи избы жгут, чьих земляков грабят и насилуют, в чьем монастыре устраивают конюшни и отхожие места, чью могилу оскверняют и даже пытаются взорвать», – пишет Владимиров.

До сердечной боли пронзительны строки Снегина об умелых, самоотверженных и настолько же беззащитных под адским вражеским огнем сестрах милосердия, которым многие из гвардейцев-панфиловцев были обязаны своей жизнью. Да и сам Дмитрий Федорович тоже.

Вот что рассказал мне сын писателя Дмитрий Дмитриевич: «Я помню, расспрашивал его о ранении, ведь у него в 1944 году, когда шли бои в Прибалтике, было тяжелое ранение – отец наступил на пехотную мину. Спасло его то, что мина была направленного удара и взорвалась в противоположную сторону. Отец рассказывал, как заставил своего ординарца, бережливого хохла, разрезать ему хромовый сапог, чтобы остановить кровотечение. Если бы он этого не сделал, ему могли бы ампутировать ногу».

Но несмотря на тяжелое ранение, Дмитрий Снегин до Победы оставался в строю. О том, каким он был бойцом, говорят награды – ордена Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны» I степени, медали «За оборону Москвы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За трудовую доблесть».

Позже к ним прибавились ордена Трудового Красного Знамени, Дружбы народов и Знак Почета.

– Война, конечно же, наложила отпечаток на характер отца, – считает Дмитрий Дмитриевич, – ведь, кроме ранения, он перенес тяжелую контузию: в немецкий бетонный дот, в котором он находился во время одного из боев, попала авиабомба... Последствия этого всю жизнь сказывались – у папы были частые головные боли, шум в ушах, спазмы сосудов головного мозга... Ну и характер у него, конечно, был крутой, все ему хотелось сделать по-настоящему, чтобы во всем порядок был. Вот и на фронте (он начинал командиром батареи, а закончил войну командиром артиллерийского полка) его не раз намеревались забрать в штаб, потому что у него всегда во всем был образцовый порядок. Он не только очень точно и подробно знал все карты, но и великолепно

ориентировался на местности. Даже когда его ранило и он потерял на какое-то время сознание, то, когда очнулся, увидел, что его везли не в ту сторону. А была ночь, кромешная темнота, так он попросил фонарик, карту и показал, куда надо двигаться.

После войны у него особенно обострился интерес к людям. При этом он как-то особенно горделиво отмечал артиллеристов. Еще бы! В артиллерии нужны знания, образование. Он говорил, что артиллерист обязан быть интеллигентом.

Он считал своим долгом написать о своих фронтовых друзьях-побратимах. Тогда вышла повесть «На дальних подступах». И помню, я долгое время не понимал, почему он так ее назвал. Ведь вроде немцы уже к самой Москве подошли, а он называет книгу «На дальних подступах». И лишь много позже я решился его об этом спросить. А надо сказать, что папа всегда очень вдумчиво относился к названиям своих произведений, вкладывая в них порой особый смысл. И он мне пояснил, что, когда он описывал бои под Москвой, то уже имел в виду дальние подступы к Берлину, к Победе.

После этой военной повести отец вернулся к своим планам написания романа о городе Верном, ведь он здесь родился, очень любил Семиречье, даже своего фронтового коня назвал Семирек – поначалу артиллерия была на конной тяге, – рассказывает Дмитрий Дмитриевич.

Действительно, о Семиречье Снегин писал очень поэтично: «Родился я в дивной стране предгорий и гор Жетысу, где по уверению акына (акыну нельзя не верить!) тучи дремлют на весу, а благодатные долины омываются низвергнутыми с вершинных ледников прозрачными Семью Водами. Отсюда русское название – Семиречье. Думаю, без допущения грубой ошибки это определение (название) может быть истолковано не только как семь рек, а и как семь речений.

Магическое слово – семь... С младенческих лет мой слух ласкало Слово – русское и казахское, украинское и киргизское, уйгурское и дунганское. Даже китайское. В православных храмах я внимал древнеславянскому, а в мечетях – арабскому...»

Журавли Дмитрия Снегина

Меня всегда поражала огромная работоспособность Дмитрия Снегина – казалось, для него в сутках не 24 часа, а гораздо больше. После войны вышел в свет целый ряд его книг – кроме повести «На дальних подступах» был написан роман-трилогия «В городе Верном», затем

романы «Утро и два шага в полдень», «В наступлении» о бойцах Панфиловской дивизии, «Осеннее равноденствие» о целинниках, «Парламентер выходит из рейхстага», книга очерков «Рождение подвига».

Кроме того, Снегин не менее активно занимался общественной и редакторской работой – был главным редактором журнала «Казахстан», заместителем главного редактора журнала «Арай» («Шмель»), главным редактором журнала «Простор». С 1971 по 1982 год являлся секретарем Союза писателей Казахской ССР. Не однажды избирался депутатом Верховного Совета Казахской ССР.

И при такой сверхзанятости всегда находил время для семьи, которую очень любил и которой очень дорожил, но его жизненным предназначением все-таки была литература, книги. Он очень много читал, и, если можно так сказать, образовывался всю жизнь.

– Даже на фронте у него был ящик из-под патронов, где были его дневники, любимые книги, – продолжал рассказ Дмитрий Дмитриевич, – и хотя, казалось бы, шла война и книги должны быть чем-то далеким, для него это было рядом. Надо сказать, что чтение для папы было не досугом, а жизненной потребностью. У него дня не было без книги, а ночи и подавно. Обычно он читал до двух, трех часов ночи, а иной раз и до рассвета. Много лет папа жалел о своей довоенной библиотеке, которую пришлось продать, потому что очень туго было жить. Вспоминал о богатой букинистической лавке в старой Алма-Ате, куда мальчишкой водил его отец.

Уже перед уходом из жизни он очень ждал выхода своей последней книги «Магнитофон номер 000001... или Проказы Рустама», но так и не успел подержать ее в руках, – вспоминает Дмитрий Дмитриевич. – Когда папа работал над этой книгой, он был уже очень болен, но и в таком состоянии быстро смог ее написать. Тогда единственный раз он дал мне прочитать написанное до того, как это было издано. Спросил, понравилось ли мне. Вообще я благодарен ему за то, что он приобщил нас с сестрой к хорошей литературе, развил в нас любовь не только к чтению, но и научил проникать в текст, правильно его понимая.

– Ваш отец принадлежал к поколению людей, для которых нравственные, духовные ценности превалировали над материальными.

– Да, он всегда говорил, что главным стержнем человека должна быть порядочность. Вы знаете, еще один момент всплыл у меня в памяти в

связи с нашим разговором. Папа очень любил журавлей. Каждую весну он их очень ждал и был просто счастлив, когда слышал их крик. Помню, когда мы еще жили в своем верненском доме, у нас был большой сад, и когда по весне мы возились в нем, он говорил: «Ну что, слышишь?»

– Что? – спрашивал я.

– Журавли. Да вот же они летят!

– Когда мы слышали с ним далекое курлыканье в небе, это было что-то потрясающее! Значит весна пришла. А осенью он их всегда провожал. И вот когда папа не стало, я поймал себя на мысли: «А почему я видел журавлей только тогда, когда он мне говорил об этом?» И решил, буду тоже их ждать. И вот однажды осенью на даче я увидел, как высоко в небе клином летели журавли, для меня это было воспоминанием об отце.

...Кто знает, может, и Дмитрий Снегин, как те солдаты, «с кровавых не пришедшие полей», о которых писал Расул Гамзатов, не в землю эту полег когда-то, а превратился в белых журавлей.

И опять возникают снегинские «странные сближения» – в одном из последних стихотворений Дмитрия Федоровича есть такие строки: «Я поднимусь по Занебесью / В никем не познанную Синь. / Попросит спеть земную песню / Меня, приметив, Божий Сын».

Двадцать лет назад он ушел в эту никем не познанную Синь, оставив нам свою земную песню.

Елена БРУСИЛОВСКАЯ